

Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции (Е.И. Галяшина, журнал "Законы России: опыт, анализ, практика", N 10, октябрь 2015 г.)

Судебная лингвистическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: востребованность и компетенции

Е.И. Галяшина,
доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал "Законы России: опыт, анализ, практика", N 10, октябрь 2015 г., с. 17-21.

Лингвистическая экспертиза в практике гражданского судопроизводства занимает прочное место наряду с традиционными экспертизами, объектами которых выступают документы, фиксирующие те или иные факты, имеющие значение для правильного разрешения конкретного дела. Сегодня возникает значительное количество информационных, коммуникационных, документационных, корпоративных споров и конфликтов, где тексты, словесные обозначения и выражения на русском языке выступают в качестве источников доказательств.

По общему правилу, к судебной экспертизе прибегают в тех случаях, когда требуются специальные познания (ст. 79 ГПК, 82 АПК РФ). Судебная лингвистическая экспертиза - это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и (или) письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении*(1).

Предметом судебной лингвистической экспертизы является установление фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

К компетенции лингвистической экспертизы относятся интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация. В этом смысле судебная лингвистическая экспертиза является одной из основных форм использования возможностей современного языкознания и речеведения при отправлении правосудия.

В то же время правовая оценка оспариваемых языковых знаков, словесных обозначений, наименований, грамматической характеристики высказываний и содержащейся в них информации не относится к компетенции лингвистов*(2). Судебная практика разграничивает вопросы факта, которые могут быть разрешены судом без применения специальных знаний, и те, для разрешения которых необходимы специальные знания в области лингвистики*(3).

Тем не менее анализ судебных решений показывает, что судьи испытывают затруднения в ситуациях, когда внешняя языковая форма и внутреннее содержание слов и выражений, подвергаемых правовому анализу, не лежат на поверхности, а требуют определенных интеллектуальных усилий и аналитической работы. Так, например, судебная практика исходит из того, что при рассмотрении дел о распространении той или иной информации ее оценка в качестве сведений или мнений предполагает необходимость использования судом специальных лингвистических знаний. Выводы суда должны быть основаны на определенных доказательствах (например, на заключении эксперта), результаты оценки которых суд был обязан отразить в решении (ч. 4 ст. 67 ГПК РФ)*(4).

Надо отметить, что новые проблемы, связанные с дилеммой: назначать или нет судебную лингвистическую экспертизу, т.е. нужны или нет специальные знания для вынесения справедливого и обоснованного судебного решения, стали возникать еще и потому, что к

традиционным объектам лингвистической экспертизы (письменным текстам) добавились новые - тексты, размещаемые на сайтах в Интернете, фирменные наименования, коммерческие обозначения и многие другие. Принятые для одних объектов (например, товарных знаков) подходы стали механически, без учета языковой специфики переноситься на другие (например, фирменные наименования, коммерческие обозначения, наименования политических партий, общественных организаций и т.п.), что породило неоднозначность принимаемых судами решений. Например, в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2006 г. N 2979/06, от 17 апреля 2012 г. N 16577/11, от 18 июня 2013 г. N 2050/13 подчеркивается, что вывод о сходстве делается на основе восприятия не отдельных элементов, а товарных знаков в целом (общего впечатления), а также презумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, закрепленной ст. 10 ГК РФ. Приведенные в перечисленных постановлениях подходы к определению сходства товарных знаков применимы и к иным средствам индивидуализации товаров, услуг и их производителей. Для признания средств идентификации участников гражданского оборота и производимых ими товаров и услуг сходными до степени смешения достаточно уже самой опасности, а не реального смешения товарных знаков в глазах потребителя.

Угроза смешения фирменных наименований возникает в том случае, когда используемое для именованного обозначение не имеет различительной способности, исключающей смешение с противопоставленными обозначениями*(5). Однако для оценки наличия или отсутствия у обозначения различительной способности, т.е. дифференцирующих признаков языкового знака, требуются специальные лингвистические знания, т.е. назначение экспертизы.

Экспертная практика показывает, что сегодня присутствуют две противоречащие тенденции. С одной стороны, судебная лингвистическая экспертиза оказалась явно недооценена по делам, связанным с защитой прав на средства индивидуализации товаров, услуг и их производителей, а также иные результаты интеллектуальной деятельности, а с другой, - востребована чуть ли не по каждому гражданскому делу, связанному с защитой чести, достоинства и деловой репутации граждан, деловой репутации юридических лиц.

Г.М. Резник справедливо подметил, что ситуация, когда суды и стороны начали едва ли не по каждому диффамационному делу или вербальному правонарушению обращаться за разъяснениями к филологам (лингвистам), сложилась довольно быстро. "Лингвистической наркотизации" правосудия*(6) во многом способствовала социально-политическая ситуация, сложившаяся к 2000 г. в нашей стране. Русская речь в современном российском обществе стала инструментом сознательных и неосознанных нарушений этических норм и традиций России. Данная проблема сложна тем, что, с одной стороны, нельзя ограничивать принцип свободы слова, а с другой - нарушать закон путем распространения высказываний, содержащих признаки унижения чести и умащения достоинства других лиц.

Текст, речевые произведения как результат словесного творчества или речевой деятельности, зафиксированные в письменной или устной форме на материальном носителе, являются объектами судебной лингвистической экспертизы. Их языковая специфика определяет необходимость и потребность в использовании специальных знаний для установления фактов, относящихся к предмету конкретного судебного спора.

Для вынесения законного и обоснованного, справедливого решения требуется компетентная и квалифицированная, объективная экспертиза. Лингвистическая экспертиза выполняет свою процессуальную функцию только в том случае, когда ее конечные результаты содержат юридически значимые выводы, а заключение соответствует принципиальным требованиям к экспертной деятельности: научной обоснованности, проверяемости и однозначности.

При разрешении гражданских споров количество лингвистических экспертных заключений, подготовленных частными экспертами или работниками негосударственных экспертных учреждений, работниками вузов, имеет тенденцию к увеличению. В ответ на возникший спрос правоприменителя на специальные лингвистические знания, в первую очередь, откликнулись

традиционные филологи, не искушенные в тонкостях судебно-экспертной деятельности. Языковеды попытались решать поставленные практическими работниками экспертные задачи с позиции понимания текста "по-житейски", на уровне владения языком среднестатистическим носителем, опираясь на собственный личный речевой опыт и абстрактные языковые модели, обосновывая свои умозаключения выдержками из общедоступных толковых словарей русского языка.

Суды стали сталкиваться с проблемой оценки прямо противоположных суждений и заключений, выносимых по одним и тем же вопросам разными специалистами. Незнание современных экспертных методик и принципов судебно-экспертной деятельности привело к односторонности и субъективности суждений филологов. Заключение экспертов-лингвистов по форме и содержанию во многих случаях не отвечает критерию ясности, выработанному многолетней экспертной практикой, но изобилуют терминологическим многословием и наукообразием.

По-видимому, это объясняется тем, что языковеды столкнулись с новой для них проблемой - адаптацией теоретического лингвистического знания для практических нужд судопроизводства. Стало очевидно, что одних только познаний в теории и истории языка недостаточно. Для квалифицированного судебно-экспертного исследования продуктов словесного творчества или речевой деятельности, установления языковых фактов, обладающих доказательственной значимостью, требуется овладеть судебной экспертологией, методологией общей теории судебной экспертизы, изучить многие юридические дисциплины. Важно было оптимизировать частнонаучные лингвистические методы, разработать специализированные экспертные методики для решения конкретных задач судебно-лингвистической экспертизы, позволяющие не принимать декларативные выводы эксперта-лингвиста "на веру", а объективно проверять полученные результаты на основе общепризнанных научных и практических данных.

Разработанные в лингвистической науке методы исследования языкового знака или текста требовали формализации и объективизации, оптимизации к задачам, которые перед ними ставила судебная практика.

Методические подходы к решению типовых задач судебной лингвистической экспертизы, используемые государственными и негосударственными, частными экспертами, существенно различались.

Так, например, задачи и компетенции лингвистической экспертизы в разных ведомствах не согласуются между собой. Например, к лингвистической экспертизе относится как исследование продуктов речевой деятельности*(7), так и интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация*(8).

Усилился субъективизм принятия экспертного решения. Такое положение дел привело к тому, что одни и те же тексты и высказывания стали толковаться неоднозначно, по одним и тем же вопросам и объектам эксперты-лингвисты разных школ и ведомств приходят к различным выводам, ставя в тупик правоприменителя*(9).

Судьи далеко не всегда могут определить, какую именно лингвистическую экспертизу назначить, какие вопросы поставить перед экспертом. В результате в сознании общественности (включая юристов, филологов, да и самих экспертов) укоренилось ошибочное представление о том, что якобы судебно-лингвистическая экспертиза по своей природе является субъективной: "сколько экспертов, столько и мнений", решает простые задачи поиска значений слов по словарю, "доказывая очевидное", эксперты "ангажированы" или "зависимы" от инициатора задания.

Так, например, В.А. Салимовский и Е.Н. Мехонина отмечают: "...языковед зачастую выступает не как независимый эксперт, а, по существу, как имеющий специальные (лингвистические) знания адвокат истца или ответчика (см., например, экспертное заключение А.Н. Баранова в отношении высказываний Ф. Киркорова, адресованных журналистке И. Ароян). К сожалению, лингвистическая экспертиза весьма часто оказывается "ангажированной" и тогда, когда ее запрашивают суд, следственные органы или прокуратура. Разумеется, авторы такой

экспертизы отрицают свою недобросовестность. Между тем характер допускаемых ими ошибок (уловок) говорит о том, что альтернативой недобросовестности может быть только полная некомпетентность. Но в нее трудно поверить, если заключение пишется опытным экспертом, зачастую кандидатом или доктором наук... Действительно, задачи, которые ставятся перед специалистом-филологом, в большинстве случаев являются несложными, и для их решения достаточно даже тех знаний и умений, которые предусмотрены программой (стандартом) дисциплин, изучаемых на первом курсе филологического факультета. Имеем в виду, например, умение отличить слово литературного языка от слова жаргонного или диалектного, с помощью словаря определить словесное значение, охарактеризовать его стилистическую окраску. Поэтому, как правило, в заведомо неадекватных суждениях эксперта есть основания видеть именно уловки, а не ошибки"*(10).

В действительности при корректном и профессиональном использовании разработанных лингвистической наукой объективных методов и процедур исследования языковых фактов с учетом закономерностей функционирования языка в различных видах дискурса от мнимого субъективизма не остается и следа. Результаты полного и всестороннего анализа с использованием сложившихся в науке строгих методов анализа и знание законов языка не дают возможности экспертам приходиться к прямо противоположным выводам, не лукавя и не нарушая процедуры исследования.

Другая, весьма болезненная проблема судебно-лингвистической экспертизы связана с языковой (знаковой) сущностью исследуемых экспертами объектов. Так, существует мнение, что коль скоро тексты пишутся или произносятся на русском языке, адресованы носителям этого языка и им понятны, то вряд ли вообще нужны языковеды для перевода "с русского на русский", и так понятный всем пишущим и говорящим на этом языке. В случае же, если лицо не владеет языком судопроизводства, этот пробел полностью компенсирует не эксперт, не специалист, а переводчик - иной участник судопроизводства.

С другой стороны, очевидно, что элементы различных субкультур (молодежного сленга, криминального арго, компьютерного жаргона и т.п.), "эзоповых языков", эвфемизмов семантических полей "политика", "наркотики", "коррупция", "оружие" и т.п., "тарабарский" и условные языки, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, речения, относящиеся к маргинальным подязыкам, обценнизмы и иные элементы, находящиеся на периферии языка, объективно требуют применения специальных лингвистических знаний в силу имплицитности или многозначности их содержания.

Нельзя не согласиться с мнением Г.М. Резника, что смысловое содержание многих высказываний, по которым назначаются экспертизы, просто и ясно, поэтому значительная часть лингвистических экспертиз посвящена доказательству очевидного. Юристы не в лучшем виде предстают перед лингвистами, требуя научного исследования глагола "бей", разъяснения смысла слов "значит, некий, похитил" и т.п. В таких случаях необходим срочный языковой ликбез для юристов либо краткие курсы профессиональной этики. В других случаях смысл текста постигается тщательной аналитической работой, извлекается из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изошренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов*(11). Вот здесь требуется глубокопрофессиональная работа эксперта.

Вопрос о том, действительно ли необходимы в каждом конкретном случае назначения судебной лингвистической экспертизы специальные лингвистические знания или действует презумпция, что "судьи знают право и владеют русским языком как языком судопроизводства", далеко не праздный. В нем кроется источник большинства процессуальных и деятельностных экспертных ошибок, связанных с отказом в ходатайствах о назначении судебной лингвистической экспертизы по гражданским делам.

Например, вопрос о сходстве до степени смешения обозначений считается в судебной практике вопросом факта и может быть разрешен судом без назначения экспертизы*(12). Ключевым при этом выступает понятие сходства до степени смешения, которое не раскрывается в законодательстве и трактуется судьями по внутреннему убеждению. На практике суды исходят из

принципа: обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия*(13). Однако выявление ассоциаций требует проведения масштабных психологических или социологических исследований на представительной выборке респондентов*(14).

Очевидно, что специальные лингвистические знания нужны тогда, когда семантика сказанного или написанного текста неочевидна, смысловое содержание речевого факта требует уяснения, необходимо выявить прагматику текста, его стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску. Экспертное исследование актуально, когда контекст не снимает языковой неопределенности, не позволяет однозначно эксплицировать смысл слова или высказывания. Лингвистическая экспертиза важна не только для анализа плана содержания, но и для плана выражения языкового элемента, когда не соблюдаются правила орфографии и пунктуации, грамматики, стилистики, синтаксические и лексические нормы русского языка.

Лингвистический анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения является основным способом установления словесных конструкций и языковых единиц, подпадающих под признаки конкретного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена российским законодательством. Если юрист не может без лингвиста решить, нарушают ли определенную правовую норму те или иные слова или речевые действия, то назначение и проведение судебной лингвистической экспертизы признается необходимым.

На наш взгляд, необходим единый подход для дифференциации специальных лингвистических знаний и обыденных знаний носителей русского языка, дабы не впасть в ту или другую крайность, решая вопрос о том, когда требуется назначение судебной лингвистической экспертизы, а когда достаточно наличия у правоприменителя владения грамотой родного языка, элементарного здравого смысла и профессиональных юридических знаний, чтобы проанализировать содержание и форму оспариваемого словесного обозначения, высказывания или текста, послужившего поводом для иска.

Важно отметить, что суды при назначении лингвистической экспертизы и при оценке составленного заключения эксперта должны, в первую очередь, обращать внимание на компетенцию и квалификацию эксперта, наличие у него соответствующего образования и дополнительной подготовки по экспертной специальности, относящейся к судебной лингвистической экспертизе. Представляется целесообразным унифицировать перечень экспертных специальностей, по которым производится аттестация экспертов в государственных судебных экспертных учреждениях разных ведомств, производящих судебную лингвистическую экспертизу.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
2. Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы // Экспертизы - болевая точка российского правосудия. М.: ФЗГ, 2013.
3. Жарков И.В. Сходство до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста. / <http://www.lawlibrary.ru/article2116244.html>.
4. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2014.
5. Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2(8). 2010.

*(1) См.: Галяшина Е.И. Ошибки судебной лингвистической экспертизы // Экспертизы - болевая точка российского правосудия. М.: ФЗГ, 2013. С. 31.

*(2) См., например: Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 27 февраля 2015 г. по делу N 33-1-2015.

*(3) См., например: [Пункт 13](#) Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 декабря 2007 г. N 122 "Обзор практики рассмотрения арбитражных дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности" // Вестник ВАС РФ. 2008. N 2.

*(4) См., например: [Определение](#) Верховного Суда РФ от 5 августа 2014 г. N 5-КГ14-51.

*(5) См.: [Постановление](#) Суда по интеллектуальным правам от 2 декабря 2014 г. N C01-1113/2014 по делу N А36-3075/2013.

*(6) Термин Г.М. Резника. См.: Предисловие юриста // Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 3.

*(7) См.: [Приложение N 1](#) к приказу Министерства юстиции РФ от 27 декабря 2012 г. N 237 "Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России" // Российская газета. 2013. 6 февр.

*(8) [Приложение N 2](#) к приказу ФСБ России от 23 июня 2011 г. N 277 "Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. N 40.

*(9) См.: [Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.](#) Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2014. С. 340-361.

*(10) Салимовский В.А., Мехонина Е.Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (8). 2010. С. 48.

*(11) См.: Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 3-5.

*(12) См.: Решение Арбитражного суда города Москвы по делу N А40-170159/12 // Обзор судебной практики. Авторское право. Смежные права. Товарные знаки. Вып. 1 / под ред. С.Ю. Чучи. М.: Проспект, 2013. С. 36.

*(13) [Методические рекомендации](#) по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утверждены [приказом](#) Роспатента от 31 декабря 2009 г. N 197.

*(14) См.: Жарков И.В. Сходство до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста. / <http://www.lawlibrary.ru/article2116244.html>.